

Пояснение

Самый яркий из молодых американских экономистов — по крайней мере так говорят о нем многие старшие коллеги — останавливает свою машину перед светофором в южном Чикаго. Стоит солнечный июньский день. Экономист сидит за рулем довольно старого зеленого Chevy Cavalier, приборная доска которого покрыта толстым слоем пыли, боковое окно не закрывается до конца, а двигатель при наборе оборотов начинает издавать подозрительные шумы.

Пока же машина ведет себя тихо. Тишина и на улице, по сторонам которой можно разглядеть бензоколонки, скучные бетонные здания и кирпичные дома с окнами, забитыми фанерными листами.

К экономисту приближается старый бомж. В руках он держит табличку, на которой написано, что у него действительно нет дома, а кроме того, содержится просьба о небольшой сумме. Он одет в рваный пиджак, слишком плотный для такого теплого дня, а на голове у него красуется замызганная красная бейсболка.

Экономист не блокирует двери машины и не пытается отъехать от бездомного. Но он не пытается и поискать в карманах пару лишних монеток. Он просто наблюдает, как будто бы находится за зеркальным стеклом. Через некоторое время бездомный добирается до его машины.

«У него неплохие наушники, — говорит экономист, глядя в зеркало заднего вида. — Гораздо лучше, чем мои. При этом не похоже, чтобы у него было много чего за душой».

Стивен Левитт склонен видеть множество вещей совсем не так, как любой другой средний человек. Его точка зрения не похожа и на обычные мысли среднего экономиста. Это может быть здорово или ужасно — в зависимости от того, что вы думаете об экономистах в принципе.

Журнал New York Times, 3 августа 2003 г.

Летом 2003 года журнал *New York Times* поручил журналисту и писателю Стивену Дабнеру написать о Стивене Левитте, знаменитом молодом экономисте из Чикагского университета.

Дабнер, который работал в то время над книгой о психологии денежных отношений, провел множество интервью с экономистами и обнаружил, что их английский настолько странен, что напоминает четвертый или пятый из изученных ими иностранных языков. Левитт, который незадолго до этого получил медаль Джона Бейтса Кларка (которую вручают раз в два года лучшему американскому экономисту в возрасте до сорока лет), также давал интервью многим журналистам и в ходе этого обнаружил, что их мышление было не совсем... *здравым*, как сказал бы типичный экономист.

Однако, беседуя с Дабнером, Левитт пришел к заключению, что тот не является полным идиотом. Дабнер, со своей стороны, посчитал, что Левитт похож на человека, а не на живую логарифмическую линейку. Писатель был поражен изобретательностью экономиста в проведенной им работе и его желанием объяснить то, над чем он думает. Несмотря на все громкие звания Левитта (степень магистра, полученная в Гарварде, докторантура Массачусетского технологического университета и куча разнообразных наград), он подходил к экономическим проблемам с несколько необычной точки зрения. Он пытался смотреть на вещи не как ученый, а как толковый и исполненный любопытства путешественник, режиссер-документалист, эксперт-криминалист или даже букмекер, интересы которого простираются от спорта до криминалистики и поп-культуры. Ему казались не слишком интересными всевозможные денежные вопросы, которые прежде всего приходят на ум людям, задумывающимся об экономике. Иногда он предавался самоуничижению — как-то раз он заявил Дабнеру, откинув прядь волос, закрывшую ему глаза: «Я не так уж много и знаю об экономике. Я довольно плох в математике, я слабо знаком с эконометрикой и практически не умею формулировать теории. Если вы спросите меня о том, будет ли расти или падать фондовый рынок, или о том, будет ли экономика развиваться или угодит в рецессию, или захотите узнать о чем-то, связанном с налогами, — что ж, думаю, что я покривлю душой, если скажу, что что-то понимаю в каждом из этих вопросов».

Для Левитта интерес представляли совершенно другие вещи — загадки и головоломки повседневной жизни. Его исследования

оказывались настоящим праздником для всех, кто хотел узнать, как на самом деле работает окружающий нас мир. Его необычные взгляды оказались в полной мере отражены в написанной Дабнером статье:

По мнению Левитта, экономика представляет собой науку с великолепными инструментами для получения ответов, однако с явной нехваткой интересных вопросов. Его особенный дар — способность задавать такие вопросы. К примеру, он может задаться вопросом, почему наркодилеры, зарабатывающие так много денег, продолжают жить со своими матерями? Что более опасно, огнестрельное оружие или плавательный бассейн? Что явилось истинной причиной снижения уровня преступности за последние десять лет? Воспринимают ли риелторы интересы своих клиентов как свои собственные? Почему чернокожие родители дают своим детям имена, которые могут впоследствии помешать развитию карьеры? Мошенничают ли школьные преподаватели для того, чтобы соответствовать высоким стандартам, установленным для школьных тестов? Коррумпирован ли национальный японский вид спорта сумо?

И почему бездомный человек в обносках может позволить себе наушники за 50 долларов?

Многие люди — в том числе и коллеги самого Левитта — считают, что его проекты не относятся к области экономики как таковой. Однако он сам считает, что направил науку, ставшую в последнее время слишком унылой, к ее главной задаче — объяснению того, каким образом люди получают то, чего хотят. В отличие от многих ученых, он не боится использовать собственные наблюдения и интересные факты; он также не боится анекдотов и историй из жизни (хотя при этом его пугают любые вычисления). Он склонен считать, что работы не бывает слишком много. Он готов просеивать огромные массы данных для того, чтобы найти факт, на который никто прежде не обращал внимания. Он находит способы измерить то, что многие заслуженные экономисты полагают неизмеряемым. К его неизменным интересам (хотя он утверждает, что интерес носит лишь теоретический характер) относятся обман, коррупция и преступления.

Журнал New York Times, 3 августа 2003 г.

Пылкое любопытство Левитта оказалось очень привлекательным для тысяч читателей New York Times. Его забросали множеством вопросов и просьб. Вопросы поступали и от представителей компании General Motors, и от администрации бейсбольной команды New York Yankees, и от сенаторов США, и от заключенных, и от родителей детей разного возраста, и даже от человека, который на протяжении двадцати лет накапливал детальную статистику своей компании по продаже бубликов. Бывший победитель гонки Tour de France позвонил Левитту и попросил его помочь доказать, что результаты одного из туров гонки в значительной степени определялись применением допинга. А Центральное разведывательное управление США захотело выяснить, каким образом Левитт мог бы применять те или иные данные для поимки террористов или людей, занимавшихся отмыванием денег.

Все эти обращения оказались ответной реакцией на крайне важное для Левитта предположение о том, что современный мир, несмотря на порой избыточную путаницу, сложности и даже прямой обман, не является непроницаемым или непознаваемым. А если мы умеем задавать правильные вопросы, то он даже становится куда более интригующим, чем нам кажется. Все, что для этого требуется, — это взгляд с необычной стороны.

Нью-йоркские издатели настоятельно порекомендовали Левитту написать книгу.

«Написать книгу? — ответил он. — Я не хочу писать книг». Перед ним стоял миллион загадок, и он пытался найти время для решения хотя бы нескольких из них. Кроме того, он не считал себя хорошим писателем. Поэтому он поначалу ответил отказом, однако затем предположил, что если бы ему удалось поработать над этой задачей вместе с Дабнером, то из этого могло бы получиться что-нибудь путное.

Сотрудничество подходит не всем. Однако эти два человека — то есть *мы*, авторы этой книги, — решили обсудить этот вопрос и поразмышлять над перспективами написания книги. Мы поняли, что это возможно. Надеемся, что вы согласитесь с тем, что книга у нас получилась.

Как-то раз Левитта пригласили на беседу в Society of Fellows — известный интеллектуальный клуб в Гарварде (клуб

предоставлял финансирование для молодых ученых в течение трех лет без каких-либо ответных обязательств с их стороны). Он почувствовал, что шансов на благоприятный исход встречи у него крайне мало. Прежде всего, он вообще не считал себя интеллектуалом. Ему предстояло пройти интервью со старшими товарищами — признанными во всем мире философами, историками и учеными иных специальностей. Он опасался, что темы для беседы иссякнут еще до первой перемены блюд.

В ходе беседы один из старших товарищей обеспокоенно обратился к Левитту со словами: «Мне несколько сложно понять объединяющую тему вашей работы. Не могли бы вы ее объяснить?».

Пытаясь ответить на вопрос, Левитт зашел в тупик. Он совершенно не представлял себе, в чем состоит «объединяющая тема» и присутствует ли она вообще в его работе.

Экономист Амартия Сен, будущий лауреат Нобелевской премии, присоединился к разговору и четко резюмировал то, что, по его мнению, является темой работы Левитта.

«Да, — ответил Левитт, — это действительно можно назвать темой моей работы».

Другой собеседник предложил свою версию объединяющей темы.

«Вы правы, — ответил Левитт, — **и это тоже** можно считать темой моей работы».

Этот разговор, напоминавший борьбу стаи собак за кость, продолжался до тех пор, пока собеседников не прервал философ Роберт Нозик.

«Сколько вам лет, Стив?» — спросил он.

«Двадцать шесть».

Нозик повернулся к другим собеседникам: «Ему всего двадцать шесть лет. Почему у него должна быть объединяющая тема? Может быть, он станет одним из людей, талантливых настолько, что тема ему не нужна. Он просто возьмет тот или иной вопрос, ответил на него, и все будет в порядке».

Журнал New York Times, 3 августа 2003 г.